

— Что значат ваши слова, Почтенный? Неужели вы думаете, будто мы притесняем старшего брата?

Никто не смел вымолвить и слова. Младший брат Фэн первым нарушил молчание. Переведя удар на Цинь Шо, он со вкрадчивой усмешкой спросил:

— Брат, скажи сам: разве мы хоть в чём-то тебя обидели?

Намёк был слишком очевиден: его попросту принуждали смолчать. Цинь Шо растерялся. Он смотрел на младших братьев, которые больше даже не пытались притворяться, и в его памяти один за другим всплывали смутные образы. Вот они — несмышлёные мальчишки, которых когда-то наказывали за шалости, заставляя стоять на одном месте; вот они вырастают в надежду и опору ордена, искренне и тепло окликая его: «Старший брат!»

Неужели всё это осталось в прошлом? А ведь кажется, будто всё было только вчера. Почему же теперь эти некогда любимые им младшие соученики смотрят на него так враждебно и требовательно?

С самого дня потери памяти он безуспешно искал ответы, и лишь сейчас в тумане неведения забрезжила горькая разгадка. Цинь Шо промолчал, лишь низко опустил голову. В глубине души он понимал: всё сводилось к тому самому младшему брату, чьё имя они так часто упоминали.

«Неужели всё решится само собой, стоит мне только согласиться пойти на Собрание бессмертных вместо него?»

— В конце концов, всё это ради младшего брата... — едва слышно пробормотал Цинь Шо.

В груди защемило от подступившей тоски. Он горько, самокритично усмехнулся:

— Никто меня не обижал. Подумаешь, Собрание бессмертных. Я согласен, я приму в нём участие.

Он ответил настолько решительно, что собравшиеся ученики опешили.

— Брат, ты это серьёзно? — поспешно переспросил кто-то.

Цинь Шо кивнул:

— Моё слово нерушимо.

Младшие братья довольно переглянулись, и на их лица тут же вернулось прежнее радушие. Они обступили Цинь Шо, заискивающе улыбаясь:

— Мы так и знали, что наш старший брат благороден и не бросит нас в беде! Мы сейчас же отправимся к шицзуню и обо всём доложим. А завтра, как освободимся, навестим тебя снова.

Повернувшись к Сун Ваньчэню, они почтительно склонились:

— Почтенный, мы вынуждены откланяться.

Сун Ваньчэнь нахмурился, но мешать уходящим не стал. Лишь когда за ними закрылась дверь, он убрал меч в ножны и негромко, с укором произнёс:

— Ты слишком мягок с ними.

Однако, несмотря на строгий тон, он подошёл ближе и осторожно взял Цинь Шо за руку. Голос его зазвучал тише, теплее:

— Боюсь, если так пойдёт и дальше, они совсем обнаглеют и начнут изводить тебя в моё отсутствие.

— Ну что ты, до этого не дойдёт. Мы ведь соученики, да и обычно они ко мне вполне почтительны...

После того как память покинула его, единственным человеком, кому Цинь Шо мог доверять, оставался Сун Ваньчэнь. Он сжал его ладонь так крепко, словно тонущий — спасительную соломинку. Пусть он не помнил их общего прошлого, пусть в безупречных речах возлюбленного то и дело сквозили странные нестыковки...

Сейчас ему просто хотелось прислониться к родному плечу. Хотя бы на мгновение.

— Пусть они поступают как знают... — прошептал Цинь Шо, утыкаясь лицом в изгиб его шеи. — Главное, чтобы ты оставался прежним.

Медовый аромат благовоний тонкой струйкой вился между ними. Цинь Шо прижался к нему, пряча лицо на его плече. Он чувствовал тепло чужого тела, и от этой близости его собственное сердце на мгновение пропустило удар. Прежде всегда державшийся отстранённо и холодно, сейчас Цинь Шо доверчиво прильнул к Сун Ваньчэню, ища защиты от нахлынувшего одиночества.

За время разлуки он действительно соскучился по человеку, которого увидел первым после своего пробуждения. Цинь Шо крепко обнял его, отчаянно пытаясь пробудить в своей душе

хоть крупицу забытых чувств, воскресить воспоминания об их любви. Но почему-то тело мужчины оставалось натянутым как струна. Сун Ваньчэнь даже не обнял его в ответ — лишь безучастно положил ладонь ему на плечо и глухо, почти заученно проговорил:

— Мы знаем друг друга столько лет, нас связывают брачные узы. С чего бы мне меняться?

— И всё же мне кажется, что всё совсем не так, как они говорят.

Цинь Шо охватило странное предчувствие, будто Сун Ваньчэнь — это горсть сухого песка: чем сильнее сжимаешь кулак, тем быстрее он просачивается сквозь пальцы. Мужчина был совсем рядом, в его объятиях, но объятия эти веяли могильным холодом. Цинь Шо рад был бы обманываться и дальше, но сердце не обманешь.

Он медленно опустил руки. В груди разлилась горечь, но он заставил себя мягко спросить:

— Ваньчэнь, скажи честно... Ты ведь тоже мне лжёшь?

Сун Ваньчэнь замер, точно лишившись дара речи. Но, быстро взяв себя в руки, твёрдо произнёс:

— Я никогда не лгал тебе. Ты сам попросил шицзуня сосватать тебя на Пике Вечной Разлуки, это чистая правда. И до этого нас связывали долгие годы искренней привязанности.

— Это дружба... или любовь?

Вот что Цинь Шо отчаянно хотел понять. Он не сомневался в том, что помолвка действительно была заключена, но его терзала неопределённость: что на самом деле чувствовал к нему Сун Ваньчэнь?

Все вокруг твердили, будто до беспамятства он беззастенчиво преследовал славившегося своей неприступностью Сун Ваньчэня и даже угрожал погубить младшего брата, лишь бы силой вырвать согласие на брак. Если это правда, то какой смысл в союзе, построенном на чужом принуждении?

Не лучше ли разом порвать эту фальшивую нить?

Цинь Шо чувствовал, что действительно привязан к этому человеку — иначе почему образ Сун Ваньчэня не покидал его мыслей ни на день? Но если эта любовь была куплена столь подлой ценой, он не сможет жить с этим дальше. Сегодня всему должен быть положен конец.

Сун Ваньчэнь, чей характер всегда отличался упрямством и скрытностью, под градом расспросов впервые помрачнел. Лицо его сделалось холодным, как ледник.

— К чему эти расспросы? Разве мы не договорились? Как только закончится Собрание бессмертных, мы принесём клятвы перед главой ордена Даохуа и станем спутниками на пути самосовершенствования.

— Если ты этого не хочешь, я сам пойду к шицзуню и попрошу расторгнуть помолвку.

Цинь Шо ещё никогда не говорил с ним настолько серьёзно.

— Я никого не стану неволить. Но я не потерплю обмана.

Ему было бы так просто развеять все сомнения — достаточно было сказать лишь одно искреннее «я люблю тебя». Но Сун Ваньчэнь не мог выдавить из себя этих слов. Он устался на Цинь Шо ледяным взглядом и с силой швырнул свой длинный меч на стол. В его голосе закипала ярость:

— Почему каждый раз ты заводишь эту песню о расторжении помолвки? Твоя игра в кошки-мышки зашла слишком далеко!

«Каждый раз?»

Цинь Шо опешил. Разум пронзила страшная догадка: неужели и всё остальное, что рассказывал ему Сун Ваньчэнь, было ложью? Значит, до потери памяти они беспрестанно ссорились, и никакой гармонии между ними не было? Но зачем тогда лгать? Какую цель преследовал этот человек? Неужели и здесь был замешан младший брат?

Не успело замолкнуть эхо его слов, как Сун Ваньчэнь насторожился, уловив в комнате постороннюю ауру. Он обвёл взглядом помещение и упёрся взором в комод в углу — именно туда, где в одном из ящичков покоился веер из белого нефрита. Не дав Цинь Шо опомниться, он взмахнул рукой, и высвобожденная духовная сила с треском распахнула ящик. Складной веер взмыл в воздух и послушно опустился в ладонь Сун Ваньчэня.

Ему хватило одного взгляда, чтобы узнать хозяина этой вещи. На губах его заиграла презрительная усмешка.

— Теперь понятно, откуда эти речи. Ты виделся с этим лисом.

С последним словом из его пальцев вырвалось яростное духовное пламя. Веер из белого нефрита мгновенно обратился в горстку пепла, которая осыпалась на пол от легчайшего дуновения сквозняка.

Цинь Шо в изумлении округлил глаза. Он никак не ожидал от возлюбленного подобной дикой выходки. Но стоило ему открыть рот, чтобы возразить, как Сун Ваньчэнь резко переменялся в лице. Гнев угас, уступив место пугающему спокойствию. Он в упор посмотрел на Цинь Шо:

— В конечном счёте, тебе ведь нужно лишь моё обещание, не так ли?

— Да, но...

Договорить он не успел. Сун Ваньчэнь схватил со стола свой длинный меч и резким приливом духовных сил переломил клинок пополам. Обломки с чистым, звонким стуком упали на пол.

— Я, Сун Ваньчэнь с Пика Вечной Разлуки...

Он полоснул обломком лезвия по ладони, и багровая кровь густо закапала на изуродованное оружие.

—...клянусь этим сломанным клинком: если в этой жизни я предаю чувства ученика Безжалостной обители Цинь Шо...

—...пусть тело моё обратится в прах, а душа сгинет в бездне перерождений на веки вечные.

Сун Ваньчэнь стоял неподвижно, не сводя глаз с Цинь Шо. Кровь с его изрезанной ладони медленно капала на каменный пол — кап, кап... Эти тяжёлые капли мерилom ложились прямо на истерзанное сомнениями сердце Цинь Шо.

— Теперь ты наконец мне веришь?

<http://bllate.org/book/20094/1998478>